
ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 069.1

DOI 10.29003/m3456.0514-7468.2023_45_2/280-288

ВЗГЛЯДЫ И СУДЬБЫ МУЗЕЙНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ 1920–1940-х ГОДОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

А.А. Сундиева*

В статье обращается внимание на актуальность изучения истории музееведческой мысли в России. Автор отмечает перспективность биографического метода исследований, позволяющего проследить преемственность взглядов, мотивы принятия тех или иных решений, точнее выстроить приоритеты. Анализируются биографии, вклад в музейную теорию, особенности творческого пути нескольких известных отечественных музейных специалистов – М.В. Новорусского, Н.И. Троцкой, М.В. Фармаковского, Л.Л. Ракова. Появившиеся в 2000-е гг. новые публикации источников, в основном личного происхождения, позволяют точнее представить их вклад в музейную теорию, роль в формировании музееведческого знания, а также отметить общие черты, характерные для музееведов 1920–1940-х гг.

Ключевые слова: история музееведческой мысли, биографический метод, М.В. Новорусский, Н.И. Седова (Троцкая), М.В. Фармаковский, Л.Л. Раков.

Ссылка для цитирования: Сундиева А.А. Взгляды и судьбы музейных деятелей 1920–1940-х годов как объект изучения музееведения // Жизнь Земли. 2023. Т. 45, № 2. С. 280–288. DOI: 10.29003/m3456.0514-7468.2023_45_2/280-288.

Поступила 15.02.2023 / Принята к публикации 31.05.2023

VIEWS AND DESTINIES OF MUSEUM WORKERS IN THE 1920–1940s AS AN OBJECT OF STUDY OF MUSEOLOGY

A.A. Sundieva, PhD

Russian state University for the Humanities

The article draws attention to the relevance of studying the history of museological thought in Russia. The author notes the prospects of the biographical method of research,

---

* Сундиева Анна Альфредовна – к.и.н., доцент, проф. факультета истории искусства РГГУ, asundieva@yandex.ru.

which makes it possible to trace the continuity of views, the motives for making certain decisions, and to build priorities more precisely. The ideas expressed in the recently published book "From the history of museological thought in Russia: the 20th century" are being developed. The paper analyses the biographies, contributions to the museum theory, and features of the creative path of several well-known domestic museum specialists such as M. Novorussky, N. Trotskaya, M. Farmakovskiy, and L. Rakov. A more accurate representation of their role in the formation of museological knowledge, as well as noting common features of museologists of the 20th century, can be made possible by new publications of sources appeared in the 2000s, mostly of personal origin.

Keywords: history of museological thought, biographical method, M. Novorussky, N. Sedova (Trotskaya), M. Farmakovskiy, L. Rakov.

For citation: Sundieva, A.A., "Views and destinies of museum workers in the 1920–1940s as an object of study of museology", *Zhizn Zemli [Life of the Earth]* 45, no 2, 280–288 (2023) (in Russ., abstr. in Engl.). DOI: 10.29003/m3456.0514-7468.2023_45_2/280-288.

Введение. Зарождение, а затем и становление музеологии как самостоятельной области знания произошло в течение XX столетия. При этом внимание к изучению истории музейной практики, интерес к идеям, на которые она опиралась, к биографиям учёных как авторов и носителей музеологического знания становятся планомерными только в послевоенный период. «Российская музейная энциклопедия», увидевшая свет в 2001 г., подвела итог историографическому этапу, охватывающему XX век, и одновременно стимулировала новые музеологические исследования, в т. ч. написание научных биографий музейных деятелей.

В 2000-е гг. появились многочисленные публикации, сделавшие известными имена людей, создававших музеи и осмысливавших их деятельность – имена тех, кто совершенствовал музейную технику, передавал свой опыт новым поколениям музейных работников, спасал культурные ценности в годы тяжёлых испытаний для страны и оттачивал специальную музейную терминологию. Антропологический поворот, произошедший в отечественном гуманитарном знании, затронул и область музеологии, что выразилось как в появлении научных биографий деятелей культуры, так и во внимании к межличностному и межгрупповому взаимодействию, в попытках взглянуть на происходившие процессы с позиции участников событий. Однако «белых пятен» всё ещё много, проблема изучения истории музееведческой мысли, а также взглядов и судеб музейных специалистов XX века остаётся по-прежнему актуальной. Предметом исследования становится и сам жанр биографии.

Значительный комплекс опубликованных источников и архивных материалов даёт представление о том, как зарождались в музейной среде те или иные идеи, исследовательские направления, концепции. Правда, значительная часть материалов, раскрывающая побудительные мотивы принятия тех или иных решений, личные обстоятельства, определявшие приоритеты в научной и практической деятельности, взаимовлияние и многое другое, важное для формирования характерных черт мышления учёного, хранится именно в семейных архивах и была обнародована только в последние годы.

Так, стали известны воспоминания ряда учёных-музеологов, долгие годы ждавшие возможности издания, записки краеведов, некрологи, воспоминания коллег и друзей, опубликованные в зарубежной печати; биографические справки для словарей, издаваемых университетами; материалы, подготовленные на основании личных дел в музеях,

документы, представленные в базах данных репрессированных в 1930–50-ых гг. граждан, а также документальные фильмы, созданные на основе названных источников и кинофото документов. В начале 2000-х гг. были изданы предоставленные дочерью Л.Л. Ракова материалы об отце [7], статья о М.В. Фармаковском в биографическом словаре Санкт-Петербургского государственного университета [8], автобиография М.В. Новорусского [1], заметки экскурсовода первого Музея обороны Ленинграда Н.И. Нониной, напечатанные за рубежом [6] и др. Введение в научный оборот этих материалов в значительной степени определило выбор персоналий для данной статьи.

Биографический метод исследований. Имена М.В. Фармаковского, М.В. Новорусского, Н.И. Троцкой и Л.Л. Ракова стали впервые известны широкой аудитории со времени выхода в свет в 2001 г. «Российской музейной энциклопедии». О М.В. Фармаковском писалось, прежде всего, как об организаторе историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Буквально по крупицам собирались тогда «музейные» биографии Н.И. Троцкой и М.В. Новорусского. О Л.Л. Ракове лишь единожды упоминалось в статье о Музее обороны Ленинграда.

В 2022 г. в Российском государственном гуманитарном университете было опубликовано учебное пособие «Из истории музееведческой мысли в России: XX век» [9]. В нём анализируется процесс зарождения музеологии в России, яркий период 1920-х гг. и формирование основ советской музеологии в 1930–50-е гг. В издание включены краткие биографии ряда музейных специалистов, чья музейная деятельность была значительной, но всё ещё не стала широко известной. Есть там и короткие биографические справки о М.В. Новорусском, М.В. Фармаковском, Н.И. Троцкой и Л.Л. Ракове. Характер текстов определялся рядом учебных и педагогических задач. Дальнейшее изучение их биографий и творчества позволило проследить, как представители разных групп интеллигенции при разных жизненных обстоятельствах включались в музейную работу. И их активные, созидательные, творческие усилия приводили к достижению не только практических целей, но и развитию музееведческой мысли.

М.В. Новорусский. Михаил Васильевич Новорусский вошёл в историю музееведческой мысли как активный и талантливый популяризатор новых научных знаний музейными методами. Он родился в 1861 г. в многодетной семье дьячка сельской церкви. Обучался в духовном училище, затем в Новгородской духовной семинарии, позднее закончил Петербургскую духовную академию. Познакомившись с широко распространённой в молодёжной среде в 1880-е гг. нелегальной литературой, Новорусский принял участие в деятельности революционной организации «Народная воля», готовившей покушение на Александра III. Как революционер-народоволец, был приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным одиночным заключением в Шлиссельбургской крепости. Ему тогда было 26 лет.

Находясь в тюрьме, много и систематически занимался самообразованием. Во время некоторого послабления тюремного режима народовольцам удалось установить контакт с Подвижным музеем Русского технического общества. Сначала они получали из музея в учебных целях пособия и коллекции, а затем сами стали составлять гербарии, энтомологические и минералогические коллекции. Новорусский был одним из самых активных коллекционеров. Этот опыт и приобретённые им за годы заключения энциклопедические знания в области самых разных наук сделали М.В. Новорусского талантливым популяризатором новых научных достижений и открытий, в т. ч. и музейными методами. После освобождения из заключения в 1906 г. он несколько лет (с 1909 по 1917 гг.) заведовал Подвижным музеем, а в 1917 г. был назначен директором

Сельскохозяйственного музея в Соляном городке в Петрограде и соединённого с ним Музея живой природы.

Всю жизнь систематически занимавшийся самообразованием, он легко воспринимал новые научные открытия. Одним из первых в стране М.В. Новорусский высказал идею использования кино в учебном процессе, применения *«этого величайшего изобретения нашего века»* для просветительской деятельности. В небольшой статье «Музейное дело» 1914 года [5] он обосновал значение музеев в распространении просвещения и образования в провинции. В сборнике «Народный дом» (Петроград, 1918), изданном сотрудниками Лиговского Народного дома гр. С.В. Паниной, опубликовал статью «Музей народного дома и выставки при нём», где подробно аргументировал важность просветительской деятельности музея для народного просвещения. *«Кто строит храмы религиозные, он строит их не иначе, как для богослужений и для молящихся. Храмы научные, художественные и др., храмы муз должны точно так же строиться не иначе как для привлечения адептов и для приобщения их к тем духовным ценностям, которые собраны в таком храме муз. Музей должен строиться не для хранения предметов, а для привлечения народа к предметам, имеющим высокое образовательное значение. Эта цель – народное просвещение – должна быть главной и господствующей над всем»* [4, с. 147]. М.В. Новорусский принадлежал к той части интеллигенции, которая была воспитана на народнических идеях, и разделял убеждение народников в том, что просвещение народа есть важнейший путь к его освобождению. Осознание просветительских возможностей музея и его культурной ценности было продолжено в новых исторических условиях, наступивших после 1917 г.

Н.И. Седова (Троцкая). В 1918 г. в России создадут Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения – государственный орган, для которого широкая просветительская деятельность станет важнейшей функцией. До 1927 г. музейный отдел будет возглавлять Наталья Ивановна Седова (Троцкая). Ещё 20 лет назад многие факты её биографии, и тем более её взгляды на музейную практику и охрану наследия страны, были мало кому известны. Между тем, именно Троцкая смогла привлечь к музейной работе многих представителей дореволюционной интеллигенции, вместе с И.Э. Грабарём создавала систему организации и управления музейным делом и охраной памятников искусства и старины в России, сеть музеев в провинциальных центрах. Она участвовала в разработке впервые принимаемого в стране музейного законодательства и в определении основных направлений государственной музейной политики. При Троцкой музейный отдел превратился в многочисленную серьёзную научную организацию, в которой очень плодотворно в течение нескольких лет трудились крупнейшие представители музейных специальностей – археологи, искусствоведы, реставраторы, такие как И.Э. Грабарь, В.А. Городцов, П.П. Муратов, Н.Г. Машковцев, А.М. Эфрос.

Наталья Ивановна родилась в семье купца из г. Ромны в 1882 г. Отец, возможно, происходил из казаков, а мать – из польских дворян. Правильного образования не получила, т. к. из Харьковского института благородных девиц была исключена за революционную деятельность, затем вынуждена была эмигрировать. В Париже, в Сорбонне, слушала курс лекций по истории искусства. О её взглядах на музейное строительство в революционную эпоху, во многом выработанных и сформулированных коллегиально, что было характерно для первых лет работы советских организаций, даёт представление статья «Музейное строительство и революция» [10].

Человек, уже многие годы стоящий во главе музейного дела в России, пишет о том, как и почему «...впервые в истории государство брало в свои руки охрану всех имеющих общественное значение произведений искусства в стране, где бы и у кого бы они ни находились» [10, с. 36]. Это делалось с целью «...исправить вековую несправедливость в отношении трудящихся, сделав историко-художественное имущество страны народным достоянием» [10, с. 34–35]. Она вполне осознаёт значение вещественных памятников для изучения истории развития страны, предвидит ту огромную роль, которую суждено сыграть древнерусской живописи в истории мирового искусства, видит культурное значение частных коллекций. Не являясь профессионально подготовленным музейным специалистом, она обладала широким кругозором, целеустремлённостью, трудолюбием, выдающимися организаторскими способностями, что в тяжелейших условиях позволяло решать сложнейшие задачи музейного строительства. Причём ещё раз хочется подчеркнуть, что многое в то время делалось впервые в мировой практике.

Троцкая исходит из посыла: «Чем выше культурный уровень страны, тем бережнее она относится к своим культурно-историческим памятникам, тем внимательнее их изучает и тем больше принимает всякого рода предупредительных мер к их охране...» [10, с. 29]. К 1926 г. в СССР уже было принято музейное законодательство, создана государственная музейная сеть и органы управления ею, национализированы крупнейшие частные коллекции и музеи. Всё отрефлексировано в преддверии нового этапа музейного строительства, который должен был бы начаться... Но руководить этим новым этапом музейной практики Троцкой было уже не суждено. Судьба её трагична. Последние годы жизни она провела в изгнании, пережив гибель мужа и двух взрослых сыновей. Она продолжала общественную деятельность и сохраняла память о муже. Умерла Н.И. Седова (Троцкая) в 1962 г. в возрасте 80-ти лет.

За первые десять лет деятельности музейного отдела Наркомпроса РФ, руководимого Н.И. Седовой, музейная практика в стране приобрела организационную структуру, завершился процесс её выделения в самостоятельную область культурной деятельности, что потребовало осмысления, рефлексии, стимулировало музееведческую мысль. Включённость в эту работу представителей дореволюционной интеллигенции обеспечила сохранение профессиональных навыков, традиций и этических норм.

М.В. Фармаковский. Формирование теоретических основ советской музеологии произошло в 1930–50-е гг. Причём творческий процесс не прерывался даже в годы войны и в тяжёлое послевоенное пятилетие. Везде, где это было возможно, музеи не прекращали своей деятельности, призванные вырабатывать единый для всей страны взгляд на события войны и советской действительности. Появились новые формы просветительной работы и методов комплектования. Сохранение культурного наследия вновь, как и в начале века, стало приоритетной задачей. Очень ценным оказался опыт музейных специалистов, хранивших музейные ценности ещё в годы Первой мировой войны, революций и Гражданской войны. Одним из таких экспертов оказался Мстислав Владимирович Фармаковский. В 1928 г. он обобщил свой практический опыт музейной работы в пособии под названием «Техника экспозиции в историко-бытовых музеях» [11]. Содержание книги во многом выходило за рамки темы, обозначенной в названии. Это было одно из первых изданий, в которых речь шла об организации и технике музейной экспозиции, причём с учётом эргономических норм. В 1940-е гг. востребованными оказались, прежде всего, его глубочайшие познания в области организации хранения, консервации и реставрации музейных ценностей.

М.В. Фармаковский родился в г. Вятке в 1873 г. в семье чиновника. Образование, университетское и художественное, получил в Одессе, а затем обучался, стажировался, занимался живописью и прикладным искусством за границей, в Дюссельдорфе и Париже. Там же знакомился с методами сохранения музейных коллекций. В 1908 г. вернулся в Россию и увлёкся археологией. Его жизнь после революции, с 1918 г., была связана с Русским музеем. Впрочем, одновременно он работал в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), которая занималась изучением материальной культуры во всех видах и формах, а также проблемами сохранения археологического и других видов наследия. Внутри Московской секции РАИМК работала Комиссия по музееведению. История, археология, прикладное искусство и живопись, владение древними и европейскими языками – вот далеко не полный круг его научных интересов и глубоких познаний. Добавим основательное знакомство с зарубежной музейной практикой и многолетнюю работу в крупнейшем российском музее, сотрудничество с научными обществами. М.В. Фармаковский был уникальным музейным профессионалом, передававшим свой опыт новому поколению музейных работников, и педагогом, преподававшим в 1920-е гг. в ряде вузов Ленинграда.

Однако в 1931 г. его уволили из музея и выслали в Ярославль в ходе так называемой «чистки кадров». Он смог вернуться к музейной работе лишь в 1934 г., и снова на должность хранителя коллекций Русского музея. Поэтому главным направлением его научной деятельности становятся проблемы сохранения, консервации и реставрации музейных ценностей. Его «Проект организации отдела реставрации» Русского музея учитывал разнообразие музейного собрания музея и особенности каждого вида изобразительного материала. Накануне войны он разработал Инструкцию по перевозке и переноске музейных экспонатов (1940 г.). Эта инструкция сыграла важную роль при подготовке музеев к эвакуации. М.В. Фармаковский оставался хранителем Русского музея все годы войны и блокады Ленинграда, продолжая научную работу и выступая с докладами перед сотрудниками музея.

Умер учёный в 1946 г. Факты его биографии позволяют предположить, что колоссальный научный потенциал этого человека оказался реализованным не полностью. В научном сообществе осознавали высокий уровень его квалификации и широкую эрудицию, потому докторскую степень присвоили без защиты диссертации. Однако отдельные научные темы, по которым он работал и мог бы обогатить мировую науку, были приостановлены. В их числе – историко-бытовое направление в музееведении, в рамках которого, в чём-то перекликаясь с работами представителей Школы «Анналов», осмысливалась культура повседневности. Несколько работ М.В. Фармаковского опубликовали уже после его кончины [12–14]. Впрочем, влияние учёного на музейную практику и развитие теоретического музееведения осуществлялось не только благодаря публикациям, но и личным контактам и многолетней педагогической работе. Его жизнь и деятельность стали связующим звеном между несколькими поколениями музейных специалистов.

Л.Л. Раков. Лев Львович Раков – представитель следующего поколения музейных работников, получивших образование уже в советских вузах. Его музейная деятельность, так же как у М.В. Фармаковского, протекала в 1940–50-е гг., а судьба оказалась ещё трагичнее. В детстве мечтал стать военным моряком, но не позволило происхождение «из дворян». В историю отечественной экспозиционной мысли он вошёл как создатель уникальной музейной экспозиции, в историю науки – как специалист по военной истории.

Родился Л.Л. Раков в 1904 г. в Якутске, в семье политических ссыльных. Отец, Лев Всеволодович Теслер – юрист, социал-демократ, был членом киевского отделения «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Мать, Елизавета Дмитриевна Ракова, происходила из известной в г. Тотьме семьи действительного статского советника Д.Н. Ракова. Она училась в Санкт-Петербургском женском медицинском институте. За участие в студенческом революционном движении её сослали в Сибирь.

Образование Лев Львович получил в Петроградском (Ленинградском) университете (1922–29) на историко-лингвистическом факультете. В 1930–32 гг. закончил аспирантуру в Институте археологии (ГАИМК). Специализировался в области античной истории и читал лекции в университете и Педагогическом институте им. А.И. Герцена. В 1931 г. начал работать в Эрмитаже, в так называемой Просветительской части музея. Через год стал научным сотрудником Античного отдела, а в 1937 – учёным секретарем крупнейшего музея страны. В 1938 г. получил учёную степень кандидата исторических наук¹.

Но в ноябре 1938 г. Л.Л. Раков был арестован по обвинению в терроризме. Настоящей причиной послужило его дворянское происхождение и многолетние занятия военной историей, изучение истории военной формы царской армии. Сильные и деятельные люди тяжело переносят заточение. Раков год провел в одиночной камере, пытался покончить жизнь самоубийством. К счастью, попытка не удалась. Никаких обвинений не признал, и они были сняты после отстранения от должности Н.И. Ежова и смены руководства НКВД. Ракова восстановили на работе в Эрмитаже в той же должности. В 1941 г. ушёл на фронт добровольцем в народное ополчение, участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. Закончил войну в звании полковника.

Лев Львович Раков – автор замысла и реализации выставочного проекта «Героическая оборона Ленинграда», преобразованного в 1946 г. в Музей обороны и блокады Ленинграда. Музей был открыт в здании бывшего Сельскохозяйственного музея в Соляном городке. Выстроенный на подлинных свидетельствах войны и реализованный группой ленинградских художников во главе с Н.М. Суетиным, проект стал событием экспозиционной практики 1940-х гг. Память о нём долго сохранялась в профессиональной среде и жителями Ленинграда. Исползованные выставочные приёмы опередили своё время на несколько десятилетий. Сильное эмоциональное воздействие имели уникальные свидетельства недавних боёв, представленные и интерпретированные музейщиками, историками, художниками, реставраторами, только что отозванными с фронта. Однако судьба этого удивительного музея оказалась трагичной, как и судьба его создателя. Музей, коллектив которого был обвинён в создании мифа об «особой» блокадной судьбе Ленинграда и подготовке теракта «на случай приезда т. Сталина», был закрыт в 1949 г. В 1950 г. Л.Л. Ракова вновь арестовали в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и приговорили к расстрелу, который был заменён на 25 лет тюрьмы. Отбывал заключение во Владимирской тюрьме и был освобождён в 1954 г. Он невероятно мужественно вёл себя в тюрьме и нашёл в себе силы продолжить творческую деятельность после освобождения [2].

Ум, образованность, талант, интеллигентность и красота, которую отмечали все знавшие его, – вот далеко не полный перечень замечательных качеств, которыми обладал этот человек [3]. В его биографии нашли отражение все важнейшие события

¹ К сожалению, документальных свидетельств его знакомства и сотрудничества с М.В. Фармаковским пока не найдено, но они весьма вероятны. Два остепенённых историка (а таких до войны были единицы), являвшиеся ведущими сотрудниками двух крупнейших музеев Ленинграда, не могли не знать о существовании друг друга.

истории страны первой половины XX столетия. Он родился, когда ещё шла борьба с самодержавием, в которой участвовали его родители. В молодости стал свидетелем и участником смелых творческих проектов 1920-х гг. Образование и научную подготовку получил в советских вузах. Добровольцем ушёл на фронт в годы Великой Отечественной войны. Такой жизненный багаж позволил ему создать экспозицию, ставшую легендарной и пережившей своё время, продемонстрировавшую высокий уровень, достигнутый музееведческой мыслью 1940-х гг.

Заключение. Люди, чьи дела и заслуги отражены в статье, принадлежали к разным поколениям музейных специалистов и разным социальным группам. Но в их персональных историях при всей неповторимости судеб находится много общего, видимо, связанного с профессией и особенностями творческой среды, характерной для музейной деятельности. Кроме того, занятия наукой и популяризация научных знаний требовали постоянной серьёзной и разносторонней интеллектуальной деятельности. У большинства эта способность была заложена ещё в семье и позволяла им возвращаться в нормальную жизнь, несмотря ни на какие пережитые страдания, несправедливости, несчастья.

Отметим ещё трудолюбие, целеустремленность, умение противостоять трудностям и у многих – личное мужество. Музей и музейное дело не были «тихой гаванью», в которой можно было предаваться спокойной интеллектуальной работе. Музеи и их создатели жили и действовали в некоем историческом контексте, довольно жёстком, который и определял в значительной степени направление музееведческой мысли, формулировал задачи, требовавшие решения.

Привлечение биографического материала делает реконструируемую ткань истории живее и рельефнее, позволяет глубже и точнее уловить смыслы и цели принимаемых когда-то решений. Существует также нравственная потребность отдать должное памяти тех, кто сумел творчески реализоваться и достойно прожить свою жизнь в непростую эпоху череды общественных потрясений.

Благодарности и источники финансирования. Работа выполнена в соответствии с госбюджетной темой изучения истории музейного дела в России на кафедре музеологии РГГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография шлиссельбуржца М.В. Новорусского // Автобиография: журнал о жизнеописании и репрезентации себя в русской культуре. 2017. № 6. С. 205–234.
2. Бранденбергер Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 175–186.
3. Ландер И.Г. Раков Лев Львович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4. СПб, 2001 (http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=2308).
4. Новорусский М.В. Музей народного дома и выставки при нём // Народный дом. Петроград, 1918. С. 147–180.
5. Новорусский М.В. Музейное дело // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 410–413.
6. Нонина Н. Реквием музею. Иерусалим, 2003. 94 с.
7. Раков Л.Л. Тюремные стихи / Публ., вступ. ст. А.Л. Раковой // Нева. 2001. № 4. С. 70–75.
8. Сосницкий Д.А., Ростовцев Е.А. Фармаковский Мстислав Владимирович // Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб, 2012–2014.

9. Сундиева А.А. Из истории музееведческой мысли в России: XX век. Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2022. 176 с.
10. Троцкая Н.И. Музейное строительство и революция // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 29–53.
11. Фармаковский М.В. Техника экспозиции в историко-бытовых музеях. Л.: Изд-во Гос. Рус. музея, 1928. 81 с.
12. Фармаковский М.В. Акварель, её техника, реставрация и консервация. Л., 1950. 264 с.
13. Фармаковский М.В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М.: Тип. «Кр. печатник», 1947. 144 с.
14. Фармаковский М.В. Изделия из волокнистых материалов // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 172–178.

REFERENCES

1. “Autobiography of the Shlisselburger M. Novorussky”, *Autobiography: a journal about biography and self-representation in Russian culture* 6, 205–234 (2017) (in Russian).
2. Brandenberger, D., ““Repressed” memory? Campaign against the Leningrad interpretation of the Blockade in the Stalinist USSR, 1949–1952 (on the example of the Museum of Defense of Leningrad)”, *Recent history of Russia* 3, 175–186 (2016) (in Russian).
3. Lander, I., Rakov, L., “Employees of the National Library of Russia as figures of science and culture”, *Biographical Dictionary* 1–4 (St. Petersburg, 2001) (in Russian).
4. Novorussky, M., “Museum of the Community Hall and its exhibitions”, *Community Hall collection* (Petrograd, 1918) (in Russian).
5. Novorussky, M., “Museum discipline”, *Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: Collection of documents and materials* (Moscow: Etherna, 2010) (in Russian).
6. Nonina, N., *Requiem for the Museum* (Jerusalem, 2003) (in Russian).
7. Rakov, L., “Prison poems”, *Neva* 4, 70–75 (2001) (in Russian).
8. Sosnitsky, D., Rostovtsev, E., Farmakovskiy, M., “Networking Biographical Dictionary of Historians of St. Petersburg University of the 18th–20th centuries”, *Biography of St. Petersburg State University* (2012–2014) (in Russian).
9. Sundieva, A.A., “From the history of museological thought in Russia: the 20th century”, (Moscow: RGGU, 2022) (in Russian).
10. Trotskaya, N., “Museum construction and revolution”, *Science and Art* 1, 29–53 (1926) (in Russian).
11. Farmakovskiy, M., *Exposition technique in historical museums* (Leningrad: Publishing House of the State Russian Museum, 1928) (in Russian).
12. Farmakovskiy, M., *Watercolor, its technique, restoration and conservation* (Leningrad, 1950) (in Russian).
13. Farmakovskiy, M., *Conservation and restoration of museum collections* (Moscow: Typography “Red Pressman”, 1947) (in Russian).
14. Farmakovskiy, M., “Products from fibrous materials”, *Historical monument of Russian Arctic navigation of the 17th century* (Moscow–Leningrad, 1951) (in Russian).